

ЗАГАДКИ ДЕХИСТАНА

*Мустаков Бердимырат – студент 1 курса БГАТУ
Научный руководитель – к.ф.н., доцент Т.И. Гринцевич*

«Мне родимые холмы, Дехистан увидеть хочется», – писал в XVIII веке классик туркменской поэзии Махтумкули, будучи далеко от дома: в Бухаре, Хиве, а может быть, на Кавказе или в Иране – мало ли где во время его долгих странствий в нем могла заговорить ностальгия. Чтобы добраться в заветные места, поэту предстоял многодневный, тяжелый и довольно опасный переход с караваном верблюдов через несколько оазисов, но в основном в созерцании гнетущей монотонности пустыни.

Нелегко попасть в Дехистан и сегодня, если только не воспользоваться вертолетом. Многочасовая тряска по грунтовым дорогам и вдалеке становятся различимы купола и минареты древнего Дехистана. Словно оторванные от линии горизонта зеркалом вод, они являются взору наподобие миражей и только по мере приближения к ним становятся осязаемо реальными.

Глядя на гладкую, лишенную растительности равнину Мисрианского плато – так называется эта часть Юго-Восточного Прикаспия, – трудно представить, что когда-то это был цветущий, плодородный оазис. Но если смотреть сверху в свете лучей восходящего солнца, то на рельефе этой местности будут отчетливо видны следы древнего орошения: русла каналов, квадраты заливных полей, где, как установили ученые, выращивалась самая разные виды зерновых культур – от пшеницы до риса. Исследователями накоплено уже достаточно фактов, доказывающих, что земли Дехистана использовались на протяжении примерно трех тысяч лет. Но это не был непрерывный процесс: случались периоды, когда поля забрасывались, а спустя века осваивались вновь.

Археологи выделили три исторические эпохи существования этого оазиса. Самая ранняя относится к Бронзовому веку (II тысячелетие до новой эры) и продолжается до конца античности, то есть, до падения Парфянской державы, когда данная территория именовалась Гирканией. Вторая эпоха связана с государством Сасанидов и охватывает III-VII века новой эры. Это было время, когда сюда проникли различные скотоводческие племена, в том числе и древние тюрки. Остатки их поселений в виде огромных оплывших курганов можно встретить и сейчас на просторах Мисрианского плато. И, наконец, третья эпоха – с VIII по XIV века – оставила после себя наиболее впечатляющие следы. Многочисленные руины средневекового Дехистана напоминают о том, какой это был урбанизированный район до тех пор, пока не иссякли питавшие его водные источники.

Через Дехистан пролегал караванный путь из Хорезма в Персию вдоль древнего русла Амударьи - Узбоя, впадавшего в Каспий. Средневековый арабский историк ал-Макдиси упоминал двадцать четыре дехистанских поселения, но археологи выявили их около сорока, причем некоторые по размерам не уступают средневековым городам. Высокоразвитая фортификация, художественные достоинства, исполнительская техника и количество монументальных памятников Дехистана ставят эту провинциальную область в один ряд с такими признанными очагами древней культуры, как Мерв, Гургандж, Самарканд. Более того, в отличие от городов Хорасана с его преимущественно сырцовыми сооружениями, здесь уже около тысячи лет назад широко использовался жженный кирпич – не только в общественных зданиях, но и в жилых домах горожан, при возведении крепостных стен. По мнению искусствоведов, знакомство даже с ограниченным числом памятников Машад-Мисриана показывает, что архитектура Дехистана, как крупного историко-культурного района с богатым прошлым, несомненно, имела свой характерный облик, свои особенности, свой стиль.

Крупнейший памятник средневекового Дехистана – городище Машад-Мисриан. Как это нередко было в мусульманских странах, административный центр области и сама эта область именовались одним и тем же словом. Вот и стольный град Мисриан по дошедшим до нас арабским рукописям уже с IX века называется также и Дехистаном. Его центральная часть, обнесенная двойной крепостной стеной с полукруглыми башнями и рвом, занимает около 200 гектаров. Это классическое крепостное укрепление, к которому с четырех сторон примыкала обширная пригородная зона (рабад), состоявшая из ремесленных кварталов, где до сих пор можно видеть множество остатков гончарных мастерских, а также фундаменты нескольких мечетей и караван-сараяв. В южном рабаде располагались садово-парковые сооружения и базарная площадь, а в западном остались следы плотной жилой застройки. Наиболее густонаселенными были восточный и южный рабады: здесь протекали оросительные арыки и магистральный канал, обеспечивавший город водой. В Дехистане было также медресе, единственное из известных в Туркменистане, относящееся к домонгольскому периоду. Отличительная особенность археологических находок в Дехистане – обилие фаянсовых изделий с орнаментальной и сюжетной росписью. Здесь найдены также бронзовые котлы, светильники и прочие металлические изделия с художественной обработкой, ряд изделий из стекла.

О высоком уровне развития городской культуры в Дехистане свидетельствует его благоустройство: установлено наличие в нем системы водоснабжения и канализации, бань, кирпичных мостовых. Этот город пережил время расцвета, находясь во владении хорезмшахов, затем пострадал от монголов, однако вскоре возродился и окончательно был оставлен жителями около шести веков назад. От его архитектуры остались руины лишь нескольких впечат-

ляющих зданий, имеющих сегодня немалую художественную ценность, как яркие образцы исламской культуры. В первую очередь, это мечеть хорезмшаха Мухаммеда II и два минарета рядом с ней, а на территории древнего кладбища в семи километрах от городища – несколько средневековых мавзолеев. Среди них выделяется стоящая на высокой платформе поминальная мечеть Машад-ата с великолепным декором очень тонкой работы, который датируется IX-X веками. Этот поистине уникальный памятник, часто называемый также Шир-Кабир, вместе с со-временным ему мавзолеем Саманидов в Бухаре свидетельствует о начале классического периода в архитектуре всей Центральной Азии.

Если городище Мисриан около сорока лет назад подвергалось частичным раскопкам, которые осуществили туркменские археологи, то Машад-ата до последнего времени оставался загадкой для исследователей. Лишь в прошлом году специалисты Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана инициировали комплексное изучение этого уникального сооружения, давнему пребывавшего в крайне ветхом состоянии. Прежде всего, был разобран аварийный купол мечети и заново выложен из тех же старых кирпичей. С этой задачей успешно справились опытные мастера, приглашенные из Куняургенча. На счету бригады реставраторов Исхака Аскарова – десятки восстановленных памятников Дашогузского велаята (области). А теперь мастера продемонстрировали свой высокий профессионализм на таком сложном объекте как Машад-ата. Архитектор-реставратор из заповедника «Древний Мерв» Аннамурад Оразов взялся за тонкую работу по воссозданию утраченных частей настенного декора, а российско-таджикский археолог Даврон Абдуллоев, приглашенный из Санкт-Петербурга по рекомендации академика Вадима Массона, блестяще провел раскопки холма на котором стоит мечеть.

Исследования ученых позволяют сегодня с высокой долей достоверности судить о том, почему же все-таки погиб цветущий Дехистан. Немалый ущерб оазису могли причинить монголы во время нашествия Чингисхана, хотя прямых доказательств этому нет. Роковую роль в судьбе этого края сыграли все-таки сами его жители, сделав то, что на современном языке называется нарушением экологического баланса. Год за годом и век за веком они вырубали для топлива и строительных нужд густые арчевые леса на склонах предгорий Копетдага, откуда на Мисрианское плато стекало множество протоков реки Атрек. Выжигали большие участки лесов и пастухи, чтобы увеличить площади пастбищ. В результате ландшафт большей части Западного Копетдага неузнаваемо изменился: вместо вечнозеленых зарослей теперь можно видеть лишь сильно разрушенные эрозией горы. Сильно разреженные леса уже в средние века перестали выполнять свою водоохранную функцию, что и привело к катастрофическим последствиям.

Во времена, когда жил и творил великий туркменский поэт Махтумкули Фраги, Дехистан уже давно был необитаем, но поэт жил не так далеко, в долине реки Атрек. Конечно, он видел одинокие силуэты мисрианских мечетей и минаретов, ведь не случайно их печальный образ вошел в его бессмертные строки.

УДК 94(575.4)

КОВЕР – ДУША ТУРКМЕН...

*Худайбердиева Айна – студентка 1 курса БГАТУ
Научный руководитель – к.ф.н., доцент Т.И. Гринцевич*

Еще в 1914 году искусствовед А. Фелькерзам писал: «Кому хоть раз пришлось видеть старинные туркменские ковры, тот никогда не спутает их с изделиями других племен и народов уже по одному орнаменту, не говоря о технике. Дать точное описание орнамента невозможно, так как своеобразие фигуры его несравнимо ни с цветами, ни с какими-либо определенными геометрическими фигурами».

Действительно, попадая в Европу и Америку под названием бухарских и персидских, туркменские ковры всегда будоражили воображение исследователей.

На самом деле, туркменские изделия коренным образом отличаются от персидских и кавказских ковров. В 1927 году русский исследователь С.Дудин отмечал, что «...совершенная разница в стиле туркменских и персидских ковровых изделий, иная установка ткацкого станка, иной прием в использовании ткаческого материала, иная тональность и более высокая техника работы говорят за то, что ковровое ремесло у туркмен так же старо, если не старше, как у персов... развивалось оно, пожалуй, совершенно самостоятельно».

Туркменское ковроделие развивалось самостоятельно! Изучение образцов керамики IV-III тыс. до н.э. гексюрского типа в Южном Туркменистане (в районе древней дельты реки Теджен, на Алтын-депе у Меана, Улуг-депе у Душака) позволило сделать вывод, что многие орнаментальные мотивы этой древней керамики - кресты, ступенчатые пирамиды, зигзаги, по определению археолога Л. Кирчо, полностью идентичны узорам туркменских ковров.

Знойный климат Туркменистана не позволил сохраниться прекрасным творениям человеческих рук. Но зато в вечной мерзлоте сохранился почти целиком ковер, хранящийся ныне в Санкт-Петербургском Эрмитаже и датируемый серединой I тыс. до н.э. (V в. до н.э.). Он обнаружен в 1949 году